

томах, Том III./ Н.Г. Чернышевский-Москва: Просвещение, 1992.-300с.

10. Ruskin, J Fiction, Fair and Foul/ J.Ruskin- Moscow: Foreign Languages Publishing House, 2000.-100p.

11. Walter, P Essays on the history of the Renaissance/P.Walter- Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1998.-200p

12. Wilde, O. The picture of Dorian Gray /O. Wilde – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 334p.

*И. Д. Касаткина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.филол.н., профессор Г. П. Козубовская*

Зимние мотивы в поэтике Я. Полонского

Аннотация

В работе исследуется специфика зимнедорожного мотива в лирике Я.П. Полонского, его семантика и функции. Мотив рассматривается в контексте поэтики зимы русской литературы, в сопоставлении с лирикой поэтов 20-30-х гг. XIX в.

Ключевые слова: дорога, мотив, пейзаж, поэтика зимы, семантика, Я.П. Полонский

Е. Юкина и М. Эпштейн в своем исследовании о поэтике зимы отмечают следующее: «Пожалуй, ни в одной другой литературе мира образ зимы не явлен так многогранно, так многосмысленно» [15]. Зима предстает как праздник света, непорочности, чистоты, с одной стороны, и, наоборот, как разгул бесовских сил, с другой. Авторы рассматривают национальное своеобразие и историческое развитие мотива зимы на материале стихов таких русских поэтов, как П. Вяземский, А. Пушкин, Н. Некрасов и др. Поэтика А. Фета и Я. Полонского в этой работе не исследуется.

Полонский был любимым поэтом А. Блока, а в отечественной литературоведческой науке оказался отнесенным к авторам второго плана.

Современная поэту критика была сурова в оценках, но А.В. Дружинин называл Полонского «скромным, но честным деятелем пушкинского направления» [3, с. 8]. В советском литературоведении ценность его как поэта определялась близостью к Некрасову. Поэтика Полонского – предмет изучения в трудах таких литературоведов, как А. Лагунов [6], С. Морозова [8], Г.П. Козубовская [5], И.Г. Вьюшкова [2] и др.

Полонский обладал талантом живописца [7; 9], вполне закономерно, что

зимний пейзаж – один из элементов его поэтической картины мира.

Стихотворение «Зимний путь» (1844) вошло в первый сборник поэта «Гаммы», который критика приняла довольно благожелательно. После окончания университета Я.П. Полонскому пришлось много ездить: возможно, тема произведения навеяна дорожными впечатлениями.

Зимний мотив чаще всего реализуется в поэзии Я.П. Полонского как зимнедорожный, отсылая к отечественной традиции.

«Зимний путь» Полонского восходит к пушкинским стихотворениям зимнедорожного цикла: к «Зимней дороге» с ее скукой долгого пути и ожиданием встречи, с одной стороны, к «Зимнему утру», с его открытым праздничным пространством и совместному путешествию к милому берегу, а также к «Зимнему вечеру» с его замкнутостью в маленьком пространстве ветхой лачужки с «доброй подружкой», избавляющей от тоски фольклорными песнями [4]. «Пушкинское» и в композиционном решении стихотворения Полонского: первая строфа, вариативно повторяясь в последней, возвращает героя в реальность. Желанная встреча с любимой женщиной обернулась лишь дремой, подчеркивая «дурную бесконечность» зимней дороги у Пушкина, аналогично у Полонского: погружение в сказочную реальность, напоминающую о детстве, разрушено дорожной скукой.

Т.Б. Щепанская, исследуя различные смыслы дороги, присутствующие в русской литературе, определяет дорогу так: «ездовая полоса, накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяжение для езды, для проезда или прохода»; «путь, стезя»; «направленье или расстоянье от места до места». В то же время, под дорогой понимается сам процесс перемещения: «самая езда или ходьба, путина, путешествие» [13, с. 25]. Кроме того, дорога имеет символический смысл и понимается как «род жизни, образ мыслей, судьба» [13, с. 26]. В принципе все эти смыслы «работают» в стихотворении.

В ночном зимнем пейзаже Полонского появляется метафора – природа как молчаливая собеседница участливо сопровождает героя: «Ночь холодная мутно глядит...» [10; с. 36]. «Визуальное» сменяется «акустическим» («под полозьями поле скрипит, под дугой колокольчик гремит [10; с. 36]), где «гремящий колокольчик» (пушкинский образ) – знак раздражения странника, погружающегося в сон. Выпадение из реального времени и возвращение обратно подчеркивается союзом, открывающим последнюю строфу, обратной инверсией (в последней строфе «холодная ночь» вместо «ночь холодная»), наречием «так же» – знаком неизбывной повторяемости и неизменности.

Луна у Полонского призрочна («светит пасмурны призрак луны» [10; с. 36]), и это уже готовит последующее погружение героя в инобытие, в сны. Вертикаль сменяется горизонталью: акустический образ (вой волков) расширяет реальное пространство, в то же время мифологизируя его (дремучие леса – фольклорный образ).

Реальный пейзаж сменяется описанием снов героя: «Мне мерещатся странные сны» [10; с. 36], «Мне все чудится...» [10; с. 36], «И я вижу во сне...» [10; с. 36]. Сны двуслойны: сначала это бабушка с пряжей, рассказывающая

сказки и поющая колыбельные песни (погружение в сон), – мифологическая Мойра/Парка, прядущая нить человеческой жизни; затем сюжеты инобытийного пространства, где уже сам герой оказывается действующим лицом (он отправляется воевать с чародеем-царем, удерживающим в плену царевну; здесь и стеклянный дворец, окруженный садами, жар-птица, поющая по ночам; живая и мертвая вода и т.д.). Смыкание реального и инобытийного – волки: невидимые в реальности, они материализованы в звучании («вой протяжный голодных волков» ...)» [10; с. 36]), тогда в сновидной реальности волк – добрый помощник, уносящий в сказочную страну. Эти картины, нарисованные воображением лирического героя, предстают как смешение реальности и снов: «И не веришь и веришь очам» ...» [10; с. 37]. Н.П. Сухова же обратила внимание на сказочный, фантастический или волшебный элемент в поэзии Полонского, где сплетаются действительные события и грезы, воспоминания и мечты: «Лирику Полонского резко выделяет рождает в лирике Я.П. Полонского совершенно особый эффект двойного бытия, присутствия-отсутствия» [12; с. 54].

В семантике мотива пути – бесприютность и одиночество героя: его тоски не может скрасить даже ямщик, который упомянут в экспозиции. Зимний пейзаж оттеняет психологическое состояние героя. Смысловое кольцо указывает на то, что реальность неизбежна, – лирический герой возвращается в нее, в бесконечность долгого пути.

Ритм дороги (трехстопный анапест) создает впечатление стремительности, порывистости, скачкообразности в параллелизме сна и реальности (только в своем сне лирический герой не в кибитке, а на волке верхом). Я. П. Полонский словно экспериментирует, ему интересно наблюдать за лирическим героем, находящимся в разных пространственных плоскостях.

Еще 3 стихотворения Полонского связаны с зимней дорогой.

«На пути из гостей» (1856) представляет собой монолог героя, возвращающегося из гостей и мучимого противоречивыми переживаниями. Пейзаж, открывающий стихотворение, – урбанистический, в нем преобладают мотивы замирания жизни, закрытости, замкнутости. Пейзаж с последовательным включением зрения, слуха несет подтекст, оформляющийся в лейтмотивную фразу «Поздно приду я домой!» [10; с. 115], развертывающую сюжет посещения чужих домов, где герой никому не нужен, да и само времяпровождение для него скучно и утомительно. Небольшие зарисовки сначала хозяйских дочерей: одна из них – невеста, бредящая героями, но на самом деле пребывающая в поиске богатого жениха, другая – поглощена музыкой («Листа играет» [10; с. 115]), правда в описании ее игры появляется ирония: «клавиши та и стучат и гремят... Все будто в страхе каком-то молчат...» [10; с. 116]. Потом следует описание присутствующих гостей: поэта и старика, критически оценивающего услышанное. Лейтмотив «поздно приду я домой!» – отмечает скуку вынужденного посещения дома и ожидание разрешения поиска чего-то, растравляемую рану сердца, не желающего успокоиться: «Скука томит... А проклятый червяк в сердце унять не хочет никак: или он старую рану тревожит, или он новую гложет» [10; с. 116]. Скука лирического героя оброста

аналогиями – то обобщениями философского характера (чудные люди, затерянные в холодных гостиних света: «Русская мысль в одиночку созрела, да и гуляют без дела» [10; с. 117]), то конкретными зарисовками – одинокий дворник, пребывающий в состоянии полусна, – подобие героя, бесплодного мечтателя.

А Ю. Айхенвальд так пишет о загадке поэтического метода Полонского: «Он вводит в свои стихотворения какую-нибудь деталь, которая вот-вот низвергнется в прозу, – но нет: она остановилась у самого края последней и оттуда проливает на все произведение мягкий свет жизненной доступности и теплоты» [1, с. 177].

«Зимой в карете» (1889) близко первому, но здесь описан путь по столичному пространству. Скучный одинокий путь сопровождают арабски мороза, рисующего их на стеклах кареты, реальные предметы становятся почти не узнаваемыми («не фонари, а пятна света» [10; с. 250], «миражем кажется столица» [10; с. 250]), превращаясь в узорную дымку. Но призрачен не только город, но и сам герой: «Я сам, как призрак, невидимкой уселся в тряской тишине» [10; с. 250]. Ощущение собственной призрачности создается утратой осознания пространства («я сам не знаю, где я еду...» [10; с. 250]) и ощущения движения («меня везут, и – нет вопроса: бегут ли лошади мои» [10; с. 250]), что создано отчетливостью звукового образа и исчезающей визуальности. На фоне этого – ночной бред, «воспоминанья давних дней». Пребывание между сном и реальностью обернулось слепыми мечтами, почти физическим ощущением присутствия возлюбленной рядом в карете, что развернуто в мотивах (темпорально, ольфакторно: «как сладостно благоуханье весны в морозной полутьме!» [10; с. 250]). Возвращение в реальность сопровождается ощущением холода. Художественские причуды мороза, созидаемая им красота, – овеществление любовной страсти, которая владеет героем, причем мороз здесь – недруг, раскрывший тайну героя («Злодей! Он подглядел, как сердце билось...» [10; с. 250]), замкнувшую его в ледяной плен («и нет глазам моим простора, и нет конца слепым мечтам» [10; с. 251]). Сны завершены реальностью, которая гораздо лучше этих снов («Но – каждый путь ведет к концу, и скоро, скоро подкачу я к гостеприимному крыльцу» [10; с. 251]).

Из зимних стихотворений выделяется «Зимняя невеста» (1870), выполненная в жанре колыбельной песни. Метель, сломавшая судьбу заплутавшего в ней путника, – один из популярных зимних сюжетов русской литературы. «Запутанность» повествования (смена точки зрения) у Полонского – знак спутанного сознания, погружающегося в сон.

«Природное» и «человеческое» здесь сопряжены нерасторжимо: образ бабушки-зимы перетекает в другой – реальной бабушки, засыпающей под песню белого вихря: «Бабушка, усни!» [11]. Двоение и далее формирует сюжет: в страшных звуках метели распознаются другие – звуки колокольчиков от мчащейся тройки; в снежных заносах – очертания самой тройки с пьяным ямщиком. Элементы балладности очевидны: тройка материализуется из метельного клубка, а встреча миров обозначается все более отчетливо по мере развития сюжета. Перебираемые варианты в духе фольклорной загадки – кто куда

едет (не к бабушке внучек, не к матери – сын) приближают к искомому: это жених, устремленный к невесте. Обращает на себя внимание, что метельному в природе соответствует «человеческое», наделенное признаками бесовского (сначала упоминается, что у молодца «буйная» головушка, а потом и вовсе сливается с пляской бесов, порыв доброго молодца сродни бесовскому).

Но бешеная скачка тройки начинает замедляться: «Очи мглою застилает – / Ни дороги, ни версты, / Только ветер развеивает / Гривы да хвосты...» [11]. Взгляд со стороны сменяется точкой зрения скрытого рассказчика, навевающего чары и погружающего жениха в дремоту. Обещанная невеста, сотканная былым вихрем, «бледная, как смерть» – образ хрупкой, инобытийной материальности, – призрачна: «Прихвачу летучий локон / Я венцом из белых роз, / Что растит по стёклам окон / Утренний мороз; / Грудь и плечи облеку я / Тканью лёгкой, как туман, / И невесты, чуть дохну я, / Всколыхнётся стан» [11]. Образ невесты создается по слову мистического творца, это подобие творящего акта Пигмалиона, оживляющего статую. Сама невеста отсылает к сюжету Снегурочки, пожелавшей любви. Слезы, неизвестно кому принадлежащие, – поцелуй, ведущий к смерти, – узнаваемые мотивы поэзии. Зимняя невеста – сама Смерть в ипостаси красоты, убаюкивающая заплутавшего путника, погружая его в сон-смерть, очаровывающая и уносящая в свой мир.

Итак, специфика зимнего мотива заключается в том, что он почти всегда связан с дорогой, как правило, в сюжете развернуты размышления-мечтания автора, часто перерастающие в сны. В стихотворениях представлен своеобразный синтез реальности и фантастики: будничное плавно перетекает в мечтаемое и вновь в будничное. Сон и дорога – мотивы, которые создают особое пространство лирического героя (реальное и сновидное), пребывающего в дороге, между жизнью и смертью.

Использованная литература

1. Айхенвальд, Ю. Полонский / Ю. Айхенвальд // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. – Москва: Республика, 1994. – Вып. 3. – С. 176–183.
2. Вьюшкова, И. Г. Онейропоэтика поэзии Я. П. Полонского / И. Г. Вьюшкова. – Ишим: Изд-во ИГПИ, 2012. – 135 с.
3. Дружинин, А.В. Стихотворения Я.П. Полонского / А.В. Дружинин // Современник. – 1855. Т. 54. Отд. 3. №. 11. – С. 1–20.
4. Козубовская, Г.П. Зимнедорожный цикл Пушкинский зимнедорожный цикл: балладный пласт / Г.П. Козубовская // Культура и текст. Сетевое издание. – 2017. – № 1 (28). – С. 98-124. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2017/03/Cozubovskaja_2017 (дата обращения: 15.03.2024).
5. Козубовская, Г.П. Русская литература и поэтика зримого: монография / Г.П. Козубовская. – Барнаул : АлтГПУ, 2021. – 448 с.
6. Лагунов, А. Лирика Я. Полонского / А. Лагунов. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1974. – 125 .

7. Медынцева, Г. Яков Полонский-живописец / Г. Мендынцева // Лит. учеба. – 1988. – № 2. – С. 120 – 124.
8. Морозова, С.Н. Творческая индивидуальность Я.П. Полонского: взаимосвязь романтических и реалистических традиций: специальность 10.01.01 Русская литература: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Светлана Николаевна Морозова. – Саранск, 2010. – 19 с.
9. Монахова, Е.Н. Графические очертания поэзии: заметки о рисунках из альбома Я.П. Полонского в собрании литературного музея ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) / Е.Н. Монахова // Спасский вестник. – 2010. – № 18. – С. 181–186.
10. Полонский, Я. П. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Я. П. Полонский. – Москва: Художественная литература, 1986. – 493 с.
11. Полонский, Я.П. Зимняя невеста / Я.П. Полонский. – [https://ru.wikisource.org/wiki/Зимняя_невеста_\(Полонский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Зимняя_невеста_(Полонский)) (дата обращения: 14.03.2024).
12. Сухова, Н.П. Мастера русской лирики: А.А. Фет, Я.П. Полонский, А.Н. Майков, А.К. Толстой. Пособие для учителя / Н.П. Сухова. – Москва: Просвещение, 1982. – 112 с.
13. Щепанская, Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. – Москва: Индрик, 2003. – 528 с.: ил. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
14. Эпштейн, М., Юкина, Е. Образы детства / М. Эпштейн, Е. Юкина / Новый мир. – № 12. – 1979. – С. 25 – 38.
15. , Эпштейн, М. Юкина, Е. Поэтика зимы / М. Эпштейн, Е. Юкина / Вопросы литературы. – № 9. – 1979. – С. – 172.

*И. М. Мардиев
Ш. С. угли Мелиев
З. У. угли Умаралиев
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.филол.н., профессор А. И. Куляпин*

ПОРТРЕТНЫЕ ОПИСАНИЯ В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»

Аннотация

В исследовании выявлены художественные особенности портретных описаний героев повести «Ася», в частности – портрета главной героини. Для достижения цели были определены функции портретного описания и особенности речевого портрета. Портрет у И.С. Тургенева, как и его метод в